

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Typologia zjawisk literackich epoki realizmu socjalistycznego

Author: Piotr Fast

Citation style: Fast Piotr. (1995). Typologia zjawisk literackich epoki realizmu socjalistycznego. W: B. Stempczyńska (red.), "Literatura rosyjska : nowe zjawiska, reinterpretacje" (S. 176-184). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

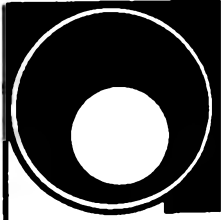
UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

ПЕТР ФАСТ

Типология литературных явлений эпохи социалистического реализма

В настоящее время с особой остротой проявляется потребность систематического описания истории русской литературы XX столетия. Одно из первых решений, принимающихся исследователями в этой связи, касается передвижения границы эпохи, условно определяемой как русская литература нашего века. Начало современности помещается уже не в 1917 году, поскольку эта граница считается сейчас с точки зрения развития литературного процесса сугубо формальной и внелитературной.

Литературоведческие критерии позволяют усматривать начало явлений, становящихся доминантой литературного процесса в нашем столетии, в половине последнего десятилетия предыдущего века. Решение это вызвано родственностью явлений в советской литературе 20-х годов с явлениями, характерными для различных направлений русского модернизма.

Здесь не место для полного обоснования этого тезиса, для нас однако важно своеобразное „раскрытие” русской послереволюционной литературы, проведенное путем формального отождествления ее с предыдущим периодом литературной истории.

Решение снести границу, которая до сих пор приводила к обособлению советской литературы 20-х годов от предыдущего периода, имеет неко-

торые существенные последствия для методов мышления об истории русской литературы нашего века.

Во-первых, оно позволяет принять чисто литературоведческие критерии для периодизации литературного процесса, и, во-вторых, заставляет задуматься над общеметодологическими предпосылками литературного синтеза нашего века.

Существенным является решение, предложенное в свое время Станиславом Порембой¹, чтобы критерием периодизации русской литературы нашего века считать „открытость” или „закрытость” литературы данного периода, понимаемые как способность явно и сознательно подвергаться влиянию традиции и других культурных систем. Короче говоря, в XX веке можно без специальных осложнений выделить время своеобразной открытости литературы (или, по крайней мере, характеризующиеся некоторой тенденцией к такой открытости) и, с другой стороны, периоды решительно отмежевывающиеся от такой возможности. Не повторяя полной аргументации этого тезиса, напомним только, что открытой следует считать литературу периода 20-х годов и с половины 50-х годов.

Несложно заметить, что критерий открытости/закрытости литературного процесса, предоставляя возможность анализа литературы в относительно „безопасном” отдалении от политических и общественных явлений, заставляет задуматься над новыми принципами построения литературного синтеза.

С чисто методологической позиции оказывается ведь, что существуют два типа, два метода структурирования литературных эпох. Первый из них показывает литературу данного периода как результат, определенный эффект воздействия традиции и других культурных факторов, находящихся вне анализируемой эпохи или культурной среды. Вторым — заставляет понимать данную эпоху как структурно вычлененную, принцип структурирования которой состоит в реляциях имманентных. Если в первом случае литературу следует описывать по отношению к чему-то внешнему, в другом надо указать внутреннюю точку отсчета. В первом случае литература видится в порядке диахроническом, в другом — в синхронном.

При указанном критерии выделения литературных периодов „открытые” литературные системы описываются на языке предыдущей или будущей эпохи, „закрытые” становятся предметом своеобразного имманентного описания.

¹ См. об этом книгу: S. Poręba: *Drogi rozwoju powolucyjnej prozy rosyjskiej. Kierunki i prądy literackie*. Katowice 1981.

Какие это имеет последствия для практики описания определенных литературных явлений? Эпохи открытые и их определенные литературные факты называются терминами, свойственными для описания фактов предыдущей эпохи или внешних культурных систем, т.е., например, авангард описывается на языке реалистичности/нереалистичности, т.н. условные формы являются „условными” лишь благодаря отнесению к „неусловным” (т.е. на этот раз реалистическим), реализм видится как противопоставление романтизму, модернизм становится формой протеста против реализма и т. д. Преобладающим методом мышления становится здесь указание изменчивости явлений и их диахроническое движение.

Указанный метод абсолютно правомерен и кажется единственным, способным указать движение, изменчивость, процессуальность явлений. Однако он не является адекватным для описания таких культурных систем, которых суть содержится в реализации определенного статического образца. Такими системами являются нормативные системы, особенно в случаях, когда одно нормативное литературное направление становится доминантой определенной эпохи и кроме литературно-эстетических тезисов создает идеологическую систему, которая санкционируется властвующей культурной политикой.

Такая ситуация исключает практически возможность существования явлений, противоположных тому, что в своей однородности становится культурной и политической нормой эпохи. С такой ситуацией мы имеем дело в годы 1929—1953, когда социалистический реализм стал не только кулатурной или эстетической, но и политической доктриной, выступление против которой равнялось самоисключению из литературной, а иногда и гражданской жизни, не говоря уже о нередких случаях личных репрессий.

Кажется, что такие эпохи, когда нормативности эстетики сопутствует система внелитературных, в частности, политических методов ее внедрения, требуют по существу другого подхода, чем открытые культурные системы. Для их описания не требуется указание источника литературных форм, а по крайней мере, такое определение литературной традиции не объясняет сути дела, специфики системы литературных явлений такого времени.

Поскольку, например, в период преобладания социалистического реализма это направление становится абсолютной доминантой, описание других, не соцреалистических, литературных явлений должно проходить путем их сопоставления с властвующей эстетикой и литературной практикой.

Из этого вытекает один вывод: открытые эпохи следует описывать в порядке диахронии, закрытые — в порядке синхронии. Такое решение,

конечно, очень осложняет составление синтеза русской литературы XX века, поскольку заставляет принять противоположные методы для описания разных периодов ее развития, однако предоставляет в то же самое время шанс указания специфики определенных явлений.

Из вышесказанного однозначно напрашивается вывод, который определяет предмет настоящего изложения: если принять тезис о том, что закрытые культурные эпохи следует описывать принимая синхронный метод структурирования эпохи, то первым шагом на пути этого описания должно быть составление типологии литературных явлений данной эпохи.

По отношению к периоду 1929—1953 своеобразной нулевой точкой отсчета такой типологической системы должен быть принят именно социалистический реализм, который определял общий тонус эпохи и сквозь призму которого можно описать все явления, независимо от их расстояния от соцреалистического образца. Нетрудно ведь представить себе, что любое литературное явление этой эпохи было по-своему определено таким соцреалистическим образцом. Каждое произведение рассматривалось — и здесь видна роль, принадлежащая соцреалистической критике — путем его отнесения к принципам доминирующего литературного направления.

Синхронную систему литературных явлений годов 1929—1953 следует составить, определяя самые существенные критерии, согласно которым произойдет разделение всей массы явлений. Это непосредственно связано с главными чертами произведений, отвечающих требованиям социалистического реализма. Как видно, в центре типологической системы мы ставим социалистический реализм, который, согласно нашему мнению, почти полностью определил черты даже тех произведений описываемой эпохи, которые не поддаются ни в какой мере отождествлению с этим направлением.

В таком понимании указанное направление, согласно общественно-политической обстановке, оказалось для одних явлений положительным, а для других — отрицательным генератором литературных форм и образа мира.

Критерии, которые должны существенным образом определять проводимую типологию, связаны таким образом непосредственно с чертами идеологии и поэтики произведений социалистического реализма. Присматриваясь ближе нормам эпохи, следует прийти к выводу, что критерии эти разделяются на две группы, которые определим как внешние и внутренние, не настаивая, однако, на существенную роль этого разделения. К внешним причислим тематику произведений, которая непосредственно называется в программных документах направления, а также поэтику, выработанную на основе идеологических и эстетических

требований этого времени. Не задерживаясь на подробном анализе этой проблемы, которая разработана нами детально в других работах², отметим только, что суть этой поэтики содержится в выдвигании на первый план структуры произведения особого принципа внушения как структурной доминанты произведений социалистического реализма. Принцип внушения проявляется как в конструкции изображенного мира (сюжет, система героев) так и в особых формах повествования.

Тематику и поэтику мы называем внешними критериями поскольку они чаще всего становятся интуитивным критерием отождествления произведения с социалистическим реализмом или отвержения его как чужого.

Оговорки требует еще одна черта применяемых критериев. Итак, тематика, поэтика и проблематика являются критериями, которые дают возможность только двойного проявления черты, что обозначает возможность исключительно присутствия или отсутствия существенного для типологии фактора. Нетрудно заметить, что произведение обладает поэтикой внушения или нет, тематика или проблематика романа может соответствовать требованиям соцреализма или нет. В такой ситуации противопоставляется присутствие (плюс) или отсутствие (ноль) признака. Совершенно иная ситуация четвертой черты, которая является критерием нашей типологии. В отличие от предыдущих, идеологическое содержание произведений дает возможность более сложного разделения произведений. С одной стороны, возможно противопоставление идеологичности и неидеологичности содержания. Произведения социалистического реализма подчинялись требованию идеологического описания мира, в котором противопоставлялись явления соответствующие коммунистической идеологии и враждебные им. Эти черты можно описать как присутствие идеологического содержания со знаком плюс или минус. Возможно, однако, тоже другое деление, где коммунистической идеологичности противопоставляется отказ от идеологического содержания вообще. Два первых варианта описываются с точки зрения этого критерия как плюс или минус признак, третья, как ноль-признак.

Исходя из таким образом определенных критериев можно уже без особых затруднений провести разделение произведений описываемой эпохи с учетом их отношения к соцреалистическому стандарту.

² См. нашу книгу *Poetyka rosyjskiej powieści produkcyjnej (1929—1941)*. Katowice 1981, а также статью *O podstawowych pojęciach realizmu socjalistycznego lat trzydziestych*. W: „Studia i Materiały. Filologia Rosyjska”. Z. 1. Red. W. Wilczyński. Zielona Góra 1983, с. 45—56.

Суть первой группы выделяемых произведений состоит в явном, если не манифестационном выступлении против идеологического стандарта преобладающего направления. Произведения эти явно отказывают в правомерности идеологическому содержанию произведений этого периода. Иными словами, они явно антисталинские или антисоветские (если этот термин понимать в значении, присвоенном ему в эти годы). Причем, в рамках таких, отказывающих в правомерности коммунистической идеологии, произведений можно выделить еще две группы, если принять во внимание остальные критерии. Первая подгруппа использует аналогичную к соцреалистической тематику, проблематику и поэтику, являясь собранием произведений открыто полемических и построенных тенденциозно, которые, в то же время анализируют ту же, что соцреалистические, проблематику. Легче всего назвать здесь стихотворение Осипа Мандельштама *Мы живем, под ногами не чуя страны...* Принимая типологическую суть этого литературного ряда, следует добавить, что аналогично построены также произведения других литературных эпох. Для некоторых текстов 50—70-х годов соцреалистический канон является предметом непосредственной агрессии и они подвергаются тогда аналогичным структурным принципам. Здесь можно указать хотя бы *Красный круг* Александра Солженицына или *Белые одежды* Владимира Дудинцева.

Вторую подгруппу составляют такие произведения, которые, формулируя идеологию, являющуюся противоположной соцреалистической, не преследуют цели тенденциозной оппозиции против нее и содержат по сути дела совершенно другую мировоззренческую позицию. Как пример такого решения можно здесь указать *Реквием* Анны Ахматовой.

Все остальные три группы произведений характеризуются отсутствием активно выраженного идеологического признака; на месте идеологичности содержания выступает здесь ноль-признак.

Вторая группа содержит произведения, которые посвящаются аналогичной к соцреализму тематике и проблематике, однако отказываются от его тенденциозности, поэтики внушения. Не интерпретируя с идеологической точки зрения таких же проблем, как произведения соцреализма, приводят они к другим мировоззренческим решениям. В принципе, это такие произведения, которые подвергаются определенной тематической и проблемной инспирации этого направления, но, одновременно, не разделяют его образа мира. Находим здесь смешение характерного для соцреализма мира с независимой его интерпретацией. Примерами такого типа литературы могут служить *Джан* Андрея Платонова или *Корень жизни* Михаила Пришвина, которые, принимая анализ характернейших для своего времени тем и проблем (от-

ношение человека и природы, а также отношения между индивидуальным человеком и коллективом, рациональностью и интуитивностью). строят образ мира далекий от принципов исторического и диалектического материализма.

К третьей группе принадлежат такие произведения, которые являются примером своеобразной мимикрии, вытекающей то ли из потребности приспособиться к требованиям времени, то ли из стремления передать другой смысл в ситуации, которая не дает такого шанса. В произведениях этих только поэтика и тематика связаны с реализацией принципов социалистического реализма, однако проблематика совершенно другая. Там ставятся такие проблемы, которые не имеют места в стандартном тексте этого времени. Путем таким идет, например, Илья Эренбург в сборнике *Вне перемирья*, где, изображая характерные для своего времени события (борьба коммунистов на Западе, испанская война, жизнь в колхозе), он, по сути дела, ставит проблемы субъективного отношения к жизни, анализирует сугубо экзистенциальные проблемы. Естественно, что в таком образе мира, не допускающем социальной или политической проблематики, нет места для идеологических решений затрагиваемых проблем.

Произведения, которые составляют в нашей типологии последнюю группу, находятся на самом большом расстоянии от принципов социалистического реализма. Они отказываются от всех характерных черт произведений своей эпохи, причем не ставят себя на позициях идеологически противоположных соцреализму. Они посвящаются совершенно другой тематике, ставят другую проблематику и отказываются от любых связей с поэтикой этого направления. Тем не менее, полная их интерпретация невозможна без описания их с точки зрения методов отмежевания от поэтики и идеологии ведущего литературного направления эпохи. Это важно потому, что социалистический реализм, оказывая огромное влияние на все сферы жизни страны, не мог не оказать существенного влияния на решения писателей, отказывающихся от подчинения этой норме. По-нашему, такое решение о неподчинении чревато глубоким значением тоже с точки зрения семантики этих произведений. Причисляем к ним, например, *Мастера и Маргариту* Михаила Булгакова, *Дракона* Евгения Шварца или многочисленные произведения Даниила Хармса³.

³ См. *Anegdoty literackie Daniila Charmsa. Komentarz. „Lektura”* 1992, nr 3—4, с. 12—13 — полную интерпретацию анекдотов Хармса, проведенную с этой точки зрения, содержит еще не опубликованная статья *Local and Universal Values. Daniil Kharmis vs Socialist Realism. XIX FILLM Congress — Acta. Brasil 1994.*

Вся, предложенная здесь, типологическая система, позволяет провести описание эпохи 1929—1953 с учетом однородной терминологии, не упуская из поля исследования тех черт произведений, которые зависят от специфических принципов существования литературной жизни, определяющейся в значительной мере политическими факторами.

Полная схема нашей типологии изображается в таблице 1, где „+” обозначает присутствие определенной черты, „0” — ее отсутствие, а „—” присутствие черты противоположной.

Таблица 1

Типология литературных явлений эпохи социалистического реализма

Критерии \ Типы текста	Соцреализм	тип 1		тип 2	тип 3	тип 4
		тип 1а	тип 1б			
Тематика	+	+	+	+	+	0
Проблематика	+	+	0	+	0	0
Идеология	+	—	—	0	0	0
Поэтика	+	+	0	0	+	0

Как нам кажется, проведение представленной здесь типологии с комментарием, определяющим предел ее применения для синхронного описания одной из сложнейших для анализа эпох русской литературы XX века, предоставит возможность как учитывающего специфику времени изображения литературы периода 1929—1953, так и более глубокой интерпретации отдельных произведений.

Piotr Fast

**Typologia zjawisk literackich
epoki realizmu socjalistycznego**

Streszczenie

W artykule zaprezentowany został przegląd modeli literackich ukształtowanych w Rosji w okresie realizmu socjalistycznego, tj. w latach 1929—1953. Podstawą tej typologii jest założenie, iż kryterium stanowi stosunek do dominującego prądu epoki. Konstrukcja typologiczna została zbudowana przez odniesienie do tego prądu problematyki, tematyki, ideologii i poetyki utworów.

Piotr Fast

**The typology of literary phenomena
at the time of the socialist realism**

Summary

The author presents a survey of literary models developed in Russia at the time of the socialist realism, i.e. in the years 1929—1953. This typology is based on the assumption that the chief criterion of value is the relation towards the dominant current of a given epoch. A typological construction has been built with respect to that current of thinking on the problems, the topics, ideology and poetics of literary works.